

УДК 316.334.56

ББК 60.54

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Вершинина И. А.,

доцент, кандидат социологических наук,

доцент МГУ имени М.В. Ломоносова

urbansociology@yandex.ru

г. Москва, Россия

SOCIAL INSTITUTE OF FAMILY IN MODERN CONDITIONS

Vershinina I.

Associate professor, candidate of sociological sciences,

Associate Professor of Moscow State University. Lomonosov

Urbansociology@yandex.ru

Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

Рассматривается значение социального института семьи и ее функции, сложности определения семьи в настоящее время, связанные с серьезными изменениями брачно-семейных отношений. Подробно анализируются различия между традиционной и современной семьей, проводится сравнительный анализ выполняемых функций и специфики социальных отношений. Приводятся статистические данные по европейским странам и России, выявляются основные тенденции трансформации социального института семьи. Рассматривается вмешательство государства в сферу брачно-семейных отношений и его последствия.

ABSTRACT

The importance of the social institution of the family and its functions are considered, the complexity of the definition of family is currently associated with major changes in marriage and family relations. The differences between the traditional and the modern family are analyzed. A comparative analysis of the functions and specific social relations is received. This article focuses on the statistical data on the European countries and Russia, the main trends of social transformation of the institution of the family are identified. The state intervention in the sphere of marriage and family relations and its consequences are considered.

Ключевые слова: семья, брак, социальная структура, город, рождаемость.

Keywords: family, marriage, social structure, city, the birth rate.

В современной социологии структурообразующая функция социальных институтов, их значение и роль в возникновении, поддержании и передаче социального порядка подчеркивается всеми школами в рамках всех теоретико-методологических подходов от структурно-функционалистского анализа до социологии повседневности [8, с. 123-124].

Семья – один из основных социальных институтов, на который указывали и классики, и современные социологи. Г. Спенсер рассматривал семейные институты как организации, необходимые для сотрудничества, возникающие из преследования индивидуальных целей, косвенно приводящих к общественному благосостоянию: «Самое высокое устройство семьи достигается тогда, когда существует такое согласование интересов общества и его членов» [16, с. 299]. Для Т. Парсонса семья – это хорошо организованная и интегрированная группа, коллектив в социальной подсистеме и одновременно институт, элемент нормативной структуры культурной подсистемы, выполняющий интегративную функцию в социальной подсистеме [14, с. 731].

Ч.Р. Миллс определяет институт как комплекс институционализированных интегративных ролей, имеющий стратегическую структурную значимость для конкретной социальной системы, и выделяет в обществе пять основных институциональных порядков: родовые отношения, политические, военные, экономические и религиозные, которые образуют единую социальную структуру [7, с. 39, 58]. Семья для него также один из главных социальных институтов. Семейный институциональный порядок регулирует сексуальные отношения, рождение детей и их социализацию.

Семья является основой многих других социальных институтов, вносит огромный вклад в функционирование и развитие общества, поэтому переоценить ее роль невозможно. Благодаря семье формируются представления человека о добре и зле, о справедливости и несправедливости, о равенстве и неравенстве, в семье, с родными людьми человек впервые переживает чувства любви, товарищества, ответственности, долга [9, с. 110].

В настоящее время в ряде стран наблюдаются серьезные изменения в сфере брачно-семейных отношений. Как следствие, в современной социологии идут дискуссии о том, что представляет собой семья сегодня. Большинство определений семьи было предложено как советскими, так и западными учеными в 1960-1980-е годы, когда сущность семьи понималась учеными практически одинаково [12, с. 182]. Во второй половине XX века семью чаще всего понимали как совместное проживание и ведение хозяйства взрослых людей разных полов, между которыми существуют социально признанные сексуальные отношения, следствием которых становится рождение детей. В нынешнем веке единства в понимании семьи и брака нет. Возможно, с этим обстоятельством связан и тот факт, что Оксфордский словарь по социологии 2009 года издания не предлагает отдельного определения семьи, в нем можно найти лишь такие статьи, как «расширенная семья», «нуклеарная семья», «социология семьи» [20, р. 243-246] и т.п.

Традиционная семья была, во-первых, расширенной, т.е. совместно проживали несколько брачных пар разных поколений, во-вторых, эта семья

была средне- или многодетной. Расширенная, многопоколенная и многодетная семья была долговременной группой с постоянным местом проживания, преемственностью образа жизни, профессий, хозяйственной деятельности, культуры, традиций, служила посредником во всех взаимоотношениях человека с другими социальными институтами [11, с. 172]. По словам британского социолога Э. Гидденса, традиционная семья представляла собой, прежде всего, экономическую ячейку, поскольку все члены крестьянской семьи были заняты в сельскохозяйственном производстве, а у дворян и высшей аристократии главные причины брака были связаны с приобретением собственности [1, с. 70]. В подобных семьях эмоциональная привязанность не рассматривалась как необходимое условие заключения брака.

Ситуация изменилась с обретением женщинами равноправия с мужчинами в разных сферах и, особенно, экономической самостоятельности. Доля работающих женщин стабильно увеличивается в разных странах. Это привело к тому, что «на смену “экономическому соглашению” в качестве основы брака пришла идея романтической любви» [1, с. 73-74] вследствие чего брак и семья превратились в «институты-пустышки», названия которых сохранилось, а внутреннее содержание изменилось. Наиболее значительным изменением Э. Гидденс считает тот факт, что центральное место в семейной жизни заняла пара, которую связывает не экономическая основа, а эмоциональная близость [1, с. 74]. Брак и семья в современном мире, как правило, существуют до тех пор, пока отношения между партнерами представляют собой ценность для них. Если эмоциональная близость между партнерами исчезает, ничто, в том числе, наличие детей не спасает семью от разрушения. Сегодня все чаще «формируется установка, что намного проще найти нового партнера, пусть и временного, нежели пытаться работать над проблемами в браке» [3, с. 31], то есть пары, основанные на эмоциональной привязанности, легко и быстро создаются и так же распадаются.

Исследователи в западных странах пришли к выводу о том, что сегодня такие критерии, как официальная регистрация брака, совместное проживание и наличие общего хозяйства утратили свою релевантность для выделения супружеских пар [15, с. 26]. Значимость имеют только сексуальная основа союза и степень эмоциональной близости в паре. Происходит серьезное изменение ценностных ориентаций: «Брак и семья, требующие огромной эмоциональной работы и обоюдного терпения, подменяются идеалами свободной любви, в сферу интересов которой вовсе не входит воспитание детей и формирование прочной семьи. В культуре начинают доминировать идеалы абсолютно независимой личности, освобожденной от обязанностей перед родом и семьей, формируются ценности противостояния поколений» [11, с. 176]. Распространение индивидуализма приводит к росту эгоизма и нежеланию заботиться об окружающих. Романтическая любовь привела к разрушению прочных семейных связей, поскольку вступление в брак начинает рассматриваться как этап на пути личностного развития, способствующий самоутверждению и самореализации. В культуре индивидуализма выбор партнера мотивируется определенным стилем жизни, который является формой представления себя другим [19, с. 64].

Быстрее всего изменения идут в городах, где степень свободы выше, а социальный контроль не столь эффективен: «Городские жители все реже в зарегистрированный брак вступают, но при этом, все чаще разводятся, причем независимо от наличия в семье детей; чаще вступают в повторные союзы, опять же, как правило, неформальные и свободные от обязательств» [10, с. 67]. В мире, где более половины людей живет в городах, оказывается, что «семейные ценности оказываются за рамками интересов развития цивилизации... Отдельной (одинокой) личности легче соответствовать “духу времени” и отвечать его требованиям (т.е. современному мегаполису)» [17]. В условиях современного мегаполиса семейные связи все чаще становятся для отдельной личности слишком обременительными. В странах ЕС почти треть домохозяйств состоит из одного человека (31,7%) и примерно столько

же из двух (31,2%) [18]. Однако необходимо отметить, что ситуация существенно различается по странам. По данным за 2014 год, доля домохозяйств, состоящих из одного-двух человек, варьировала от 47,4% в Словакии до 75,8% в Финляндии; домохозяйства такого размера составляли более половины от общего числа в Хорватии, Болгарии, Португалии и на Мальте, в Дании и Германии, их доля, как и в Финляндии, превышала три четверти, причем доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в этих странах более 40% [18].

На протяжении последних десятилетий в мире стабильно растет число молодых людей, никогда не состоявших в браке, откладывается время вступления в брак. Средний возраст женщин, вступающих в первый брак, в странах Европейского Союза составляет от 26,3 года в Румынии до 34,3 года в Ирландии, тогда как двадцать лет тому назад он составлял от 22 лет в Болгарии и Чехии до 28,8 года в Дании; средний возраст мужчин, вступающих в первый брак, также вырос и варьирует от 29,0 года в Польше до 35,7 года в Швеции по сравнению с 24,4 в Литве и 31,4 в Дании в 1993 году [18].

Среди населения ЕС в возрасте 25-29 лет никогда не состояли в браке 72,0%, в возрасте 35-39 лет – 32,3% [18]. По странам цифры значительно отличаются. Среди молодых женщин репродуктивного возраста доля никогда не состоявших в браке варьируется от 12,9% на Кипре до 40,1% в Швеции в возрасте 35-39 лет, в возрасте 30-34 лет – от 21,6% в Польше до 58,0% в Словении, в возрасте 25-29 лет – от 40,8% в Румынии до 78,7 в Словении [18]. Доля мужчин, никогда не состоявших в браке, составляет более значимые величины, варьируясь в возрасте 35-39 лет от 19,9% на Кипре до 53,5 в Словении, в возрасте 30-34 лет – от 33,6% в Польше до 71,1% в Словении, в возрасте 25-29 лет – от 61,9 до 79,9% в тех же странах [18].

Россия не является исключением из этого правила, хотя динамика перечисленных показателей в нашей стране несколько ниже, чем в Европе. В соответствии с переписью населения 1989 года менее 60% мужчин и менее

40% женщин в возрасте 20-24 лет никогда не состояли в браке, а в возрасте 30-34 лет лишь 10-11% мужчин и 7-8% женщин оставались холостяками и девицами. В соответствии с переписью 2010 года, доля никогда не состоявших в браке мужчин и женщин в возрасте 20-24 лет составила, соответственно, 77,5% и 57,2%. Таким образом, создание брачных союзов к 25 годам перестало быть нормой, разделяемой большинством. К тридцати годам более 40% мужчин и более 25% женщин все еще ни разу не состояли в браке [4].

В браки в России, как и в европейских странах, начинают вступать все позже. Средний возраст заключения первого брака увеличился с 1990 года по 2011 на 3,5 года для мужчин (с 23,93 лет до 27,38) и на 3 года для женщин (с 21,86 до 24,97) [4].

Очевидно, что в сложившейся ситуации исчезает потребность в нескольких детях, становится нормой малодетность, возникают сообщества, пропагандирующие добровольный отказ от детей: «Женщины, да и мужчины тоже, все чаще стали сознательно откладывать рождение ребенка и высвобождать время для других задач – получения образования, построения карьеры, проведения экспериментов с образом и стилем жизни» [9, с. 114]. Да и те дети, которые рождаются, все чаще появляются на свет вне зарегистрированных браков. В России в подобных браках рожден каждый третий-четвертый ребенок [4]. Причем, рождение детей, как и вступление в брак, откладывается на более поздний срок. Первый ребенок, который часто остается единственным, рождается у женщины в России в 24 года, в США – в 25,5, в Испании, Японии, Шотландии, Швеции – в 29,5 [10, с. 67].

Все более популярными становятся движения, которые вообще пропагандируют отказ от рождения от детей. Добровольно бездетные, или чайлдфри, т.е. свободные от детей, рассматривают детей как обузу и сочувствуют тем, кто еще не осознал этого. Они довольно активно способствуют популяризации движения, пытаются привлечь в свои ряды

новых единомышленников, поскольку для них это становится одной из форм самоутверждения.

«Трансформация интимности» приводит к кардинальному изменению природы родственных связей и отношений между близкими людьми: они становятся предметом переговорного процесса и сделок, так же, как и привязанность, и сексуальные отношения [2, с. 114]. Вследствие этого вырабатываются новые способы взаимодействия с родственниками, то есть конструируются новые практики повседневной жизни. «Теперь при исследовании семьи многие социологи широко используют методологические принципы конструируемости, процессуальности, амбивалентности. В русле данной методологии семья и родительство (материнство и отцовство) уже не рассматриваются как заданные социокультурной традицией институты, а семейная жизнь больше не является само собой разумеющимся состоянием жизни» [12, с. 178]. Последствия происходящих изменений, как уже было сказано выше, оцениваются по-разному.

В современных условиях государство обладает гораздо большими возможностями вмешательства в сферу детско-родительских отношений, чем прежде. Борьба с детской бедностью и защита прав ребенка стали главными темами социальной повестки дня в европейских странах. Создаются специальные службы, призванные регулировать ту сферу, которая раньше рассматривалась как часть приватного пространства. Реализация ими своих функций получает неоднозначную оценку как общественности, так и научного сообщества. С одной стороны, социальные службы помогают решать социально-экономические проблемы семей, которые в этом нуждаются, но, с другой стороны, они могут действовать в своих интересах (например, увеличение финансирования), ставя их выше интересов как родителей, так и детей. Много споров вызывает изъятие детей из семей сотрудниками социальных служб из-за «ненадлежащего» исполнения родительских обязанностей.

Подобные действия социальных служб, которые прикрываются защитой прав и интересов ребенка, разрушают институт семьи. Высказывается мнение, что ювенальная юстиция (система государственных органов, занимающихся делами несовершеннолетних) напрямую связана с проектом замены института семьи на институт соцпатроната [6]. Наибольшую известность получила практика принудительного изъятия детей из семей в европейских странах, прежде всего, скандинавских. Некоторые исследователи полагают, что «огосударствление детей – это сердцевина государственной политики в отношении семьи» [5, с. 50], что инвестирование в детей стало рассматриваться как часть социальных инвестиций государства, зачастую приводящих к тому, что проблема «детства» все больше отрывается от семейного контекста [13, с. 64].

Родители имеют массу обязанностей по отношению к своему чаду, но практически полностью лишены каких-либо прав. Несовершеннолетний ребенок же, наоборот, получает широкие права и не обременен какими-либо обязанностями. Невыполнение какой-либо просьбы ребенка может стать основанием для лишения родительских прав. Не говоря уже о телесных наказаниях, устное заявление о которых, даже не подтвержденное какими-либо доказательствами, моментально приводят к тому, что ребенка забирают из семьи и передают на попечение социальным службам. Стоит ли удивляться, что многие европейцы не хотят рожать детей? В одной из стран Европы, сейчас у каждой ста женщин рождается 66 дочерей, 44 внуки и 29 правнучек [5, с. 55]. Хотя, конечно, действия социальных служб – это не единственная причина сокращения рождаемости в Европе.

Очевидно, что институт семьи претерпевает значительные изменения. Мы наблюдаем усложнение семьи, которое проявляется в индивидуализации семейных отношений, в назревающем конфликте интересов между человеком как членом семьи и как индивидуализированной личностью, в переформатировании традиционного распределения семейных обязанностей между супругами, между поколениями, в дальнейшей плюрализации

брачных союзов, в распространении новых форм родительства и т.д. [13, с. 65]. Новые реалии делают семейные отношения более сложными, многовариантными и противоречивыми.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
3. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4.
4. Захаров С.В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. № 545-546. 4-17 марта 2013. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/s_map.php#1, дата обращения 23.12.2016.
5. Ионин Л.Г. О принципах современной политики в области семьи и демографии. М., 2010.
6. Козлова Н. Семью ставят в угол // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/02/12/ivenalnaia.html>, дата обращения 28.12.2016.
7. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М., 1998.
8. Михалева К.Ю., Полякова Н.Л. Концепция социального института в социологической теории // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2.
9. Новоселова Е.Н. Равенство институтов семьи и государства как необходимое условие преодоления глобального демографического кризиса // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 2.
10. Новоселова Е.Н. Реалии современного мегаполиса и новые тенденции изменения института семьи в России и в мире // Социология. 2014. № 1.

11. Новоселова Е.Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4.
12. Носкова А.В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10.
13. Носкова А.В. Семейная политика в Европе: эволюция моделей, дискурсов, практик // Социологические исследования. 2014. № 5.
14. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
15. Социальный потенциал молодых семей как фактор развития региона / под общ. ред. Н.М. Байкова, Ю.В. Березутского. Хабаровск, 2013.
16. Спенсер Г. Синтетическая философия. В сокращенном изложении Говарда Коллинза. Киев, 1997.
17. Шрамко Е. Семья и современный Мегapolis. URL: <http://emiz.org.ua/prakticheskaia-psikhologii/semia-i-sovremennyi-megapolis>, дата обращения 27.12.2016.
18. Щербакова Е.М. Домохозяйства в ЕС-28 // Демоскоп Weekly. № 671-672. 25 января-7 февраля 2016. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0671/barom01.php>, дата обращения 14.12.2016.
19. Яцино М. Культура индивидуализма. Харьков, 2012.
20. Oxford Dictionary of Sociology ed. by J. Scott and G. Marshall. Third edition revised. Oxford, 2009.